УДК 811.111

© 2026 Е. А. Нильсен, И. А. Грошкова

ЭВОЛЮЦИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА GLORY В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XV-XVII ВЕКОВ

В данной статье рассматривается эволюция концепта GLORY (СЛАВА) в английской лингвокультуре XV-XVII веков. Целью исследования является выявление и описание трансформации данного концепта на материале произведений Т. Мэлори, У. Шекспира и Дж. Мильтона, а также установление того, как смена эксплицирующих концепт концептуальных метафор отражает изменения общественного сознания и ценностных ориентиров. В работе применялись методы концептуального, когнитивно-метафорологического и сопоставительного анализа. Основные результаты включают определение ключевых концептуальных метафор, репрезентирующих анализируемый концепт на каждом этапе развития языка и общества: СЛАВА – ЭТО СВЕТ, СЛАВА – ЭТО ПУТЬ, СЛАВА – ЭТО СОКРОВИЩЕ, а также обоснование их связи с трансформацией героического идеала. Полученные данные могут быть использованы в курсах лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и истории английской литературы.

Ключевые слова: *концепт, слава, концептуальная метафора, героический идеал, божественная слава, английская литература XV-XVII веков.*

© 2026 E. A. Nilsen, I. A. Groshkova

EVOLUTION OF GLORY CONCEPT REPRESENTATION IN XV-XVII CENTURY LITERATURE

This article examines the evolution of GLORY concept in the English linguaculture from the 15th to the 17th century. The aim of the study is to identify and describe the transformation of this concept based on the works by T. Malory, W. Shakespeare, and J. Milton, as well as to establish how the shift in conceptual metaphors representing the concept reflects changes in social consciousness and value systems. The research employs methods of conceptual, cognitive-metaphorological, and comparative analysis. The main results include the identification of key conceptual metaphors representing the analyzed concept at each stage of the language and society development: GLORY is LIGHT, GLORY is a WAY, GLORY is a TREASURE, as well as the substantiation of their connection with the transformation of the heroic ideal. The obtained findings can be used in courses on linguoculturology, cognitive linguistics, and the history of the English literature.

Key words: *concept, glory, conceptual metaphor, heroic ideal, divine glory, English literature of the XV-XVII centuries.*

XVII век знаменует эпоху революционных потрясений, становления современного государства и радикального переосмысления роли человека в обществе. Это был век контрастов: между абсолютной монархией и республикой, религиозным фанатизмом и зарождением научной мысли, роскошью двора и суровой пуританской моралью. Именно в этот период происходит радикальный пересмотр понятийной и ценностной составляющих

концепта GLORY (СЛАВА). Переосмысление концепта приводит к тому, что традиционные героические трактовки славы оказываются подверженными сомнению.

В качестве **объекта** исследования выступают номинации концепта GLORY (СЛАВА) в английской лингвокультуре XV–XVII веков. **Предметом** исследования является эволюция концептуальных метафор, репрезентирующих данный концепт, на материале произведений Томаса Мэлори, Уильяма Шекспира и Джона Мильтона.

Цель исследования заключается в выявлении и описании трансформации концепта GLORY (СЛАВА) на материале произведений Т. Мэлори, У. Шекспира и Дж. Мильтона, а также установление того, как смена эксплицирующих концепт концептуальных метафор отражает изменения общественного сознания и ценностных ориентиров. В соответствии с поставленной целью решаются следующие **задачи**: выявить концептуальные метафоры, репрезентирующие концепт GLORY (СЛАВА) в произведениях Томаса Мэлори, Уильяма Шекспира и Джона Мильтона; проанализировать эволюцию выявленных метафор; сделать вывод о тенденциях трансформации концепта GLORY (СЛАВА), отраженных в изменениях репрезентирующих его метафор.

Решение поставленных задач и достижение цели работы обеспечивается комплексом **методов исследования**, включающим в себя концептуальный анализ, позволяющий выявить содержательные характеристики концепта GLORY (СЛАВА); когнитивно-метафорологический анализ, опирающийся на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона; сопоставительный (компаративный) анализ, необходимый для выявления эволюции метафорических моделей в исследуемых текстах; интерпретативный анализ художественного текста, а также элементы лингвокультурологического анализа, обеспечивающие учет социокультурного контекста изучаемого периода.

В нашем понимании концепт GLORY (СЛАВА) – это эволюционирующая ментальная структура, изменение которой наиболее наглядно прослеживается в ходе анализа трансформаций эксплицирующих ее концептуальных метафор.

С когнитивной точки зрения, метафора является инструментом мышления, который описывает познавательные процессы. Согласно мнению Лакоффа и Джонсона, в основе метафорического мышления лежат концептуальные метафоры – устоявшиеся в языке и культуре связи между различными концептуальными областями [Лакофф, Джонсон, 2004: 11]. Использование метафор в литературе позволяет репрезентировать, например, категорию темпоральности [Нильсен, 2020; 2023], категорию эмотивности [Воркачев,

2004], [Петухова, Хомякова, 2025] и другие категории. Концептуальная метафора также служит основным когнитивным инструментом репрезентации и осмысления концепта GLORY (СЛАВА).

Слава, как и многие другие сложные понятия, слишком абстрактна, чтобы быть постигнутой напрямую. Анализ метафорической репрезентации славы в разные периоды развития языка и общества позволяет сделать вывод о том, как общество в разные времена воспринимало высшие достижения, ценность человеческой жизни, героизм и цену успеха. Анализ предоставляет доступ к изучению особенностей восприятия мира представителями определенной эпохи, которые отпечатались в устойчивых языковых формулах и литературных образах. Чтобы постигнуть ментальность народа, следует обратиться к анализу его культурных символов, запечатлённых в языке; такой подход позволяет раскрыть глубинные, устоявшиеся стереотипы мировосприятия и действий, характерные для данного сообщества [Пименова, Бодриков, 2022: 25].

В англоязычной культуре слава считается одной из ключевых ценностей, во многом определяющих поступки человека. Концепт GLORY (СЛАВА) реализуется в трёх основных формах: героической, божественной и обиходной славы [Воркачев, Карасик, 2025: 67]. Если в русской языковой картине мира героическая слава неразрывно связана с подвигом и самопожертвованием, то в английской традиции она укоренена в рыцарском кодексе чести [Воркачев, Карасик, 2025: 67-69].

Рыцарский кодекс чести, столь важный для англоязычной традиции, был по сути своей прагматичным руководством к обретению славы: щедрость, храбрость и верность приносили рыцарю желанную известность и вечную память. В средневековой литературе можно увидеть, что слава являлась движущей силой рыцарей Круглого Стола, была связана с мирской славой, воинскими победами и куртуазной любовью. В основе понятия «слава» лежало не сиюминутное признание, а пожизненная репутация, которая должна была пережить героя. В литературе Средних веков победа в бою против достойного противника была главным источником славы. Однако важна была не просто грубая сила, а победа в честном поединке. Служение даме и совершение подвигов в ее честь было еще одним мощным источником славы. Любовь вдохновляла на подвиги, а подвиги, в свою очередь, укрепляли славу рыцаря, делая его и его даму еще более знаменитыми. Преданность королю (например, Артуру) и соблюдение клятв были обязательным условием для положительной славы. Измена же была величайшим позором. Поиск приключений и защита обиженных (вдов, сирот) были социально одобряемым способом укрепления своей репутации благородного воина.

В эту эпоху доминировали метафоры GLORY is LIGHT (СЛАВА – ЭТО СВЕТ), (идеальный рыцарь «сияет» доблестью, его репутация – это лучезарный ореол), GLORY is a WAY (СЛАВА – ЭТО ПУТЬ) (она не дается раз и навсегда, это постоянный процесс, движение вперед через испытания), GLORY is a TREASURE (СЛАВА – ЭТО СОКРОВИЩЕ) (о ней говорили как о чем-то, что можно добыть, умножить) [Гуревич, 1984].

Для демонстрации ключевых концептуальных метафор этой эпохи рассмотрим роман-эпопею «Le Morte d'Arthur» («Смерть Артура») Томаса Мэлори. Метафора GLORY is LIGHT (СЛАВА – ЭТО СВЕТ) эксплицирована в образах Камелота и Круглого Стола.

Камелот – это не просто замок, а визуальное воплощение славы периода правления короля Артура. Камелот репрезентирует идеалы рыцарства, справедливости и золотого века Британии. Это также воплощение рыцарского кодекса чести, включающего верность, доблесть, защиту слабых и куртуазную любовь. Камелот описывается как сияющий, блистательный центр мира, чей свет распространяется на все королевство Логрес, символизируя справедливость, порядок и высшую честь. Круглый Стол – материальное олицетворение этой коллективной славы. Он не только символизирует равенство рыцарей, но и является источником света, который их объединяет. Круглая форма стола знаменует равенство всех рыцарей: за ним нет главы или более почетного места, что подчеркивает, что все они братья и служат одним идеалам. Слава здесь не является индивидуальным приобретением, это общее благо, которое делает каждого рыцаря частью чего-то большего [Tolhurst, Whetter, 2025].

В качестве первого примера оязыковления метафоры GLORY is LIGHT (СЛАВА – ЭТО СВЕТ) рассмотрим описание кульминационного момента первой крупной битвы короля Артура при Карлионе, описанной в Книге I, Главе IX. Одиннадцать мятежных королей объединились против Артура, поскольку не хотели признавать его власть. Восставшие короли считали Артура просто мальчишкой неизвестного происхождения («and said they had no joy to receive no gifts of *a beardless boy* that was come of *low blood*» [Malory, 2003: 41]). Их также не радовал тот факт, что Артур, став королем, начал наводить порядок в королевстве и возвращать земли, незаконно отнятые у его вассалов после смерти его отца Утера Пендрагона. Это представляло прямую угрозу их трону и нажитому достоянию.

Ход битвы постоянно менялся. Короли, зайдя в тыл, обрушились на Артура. В самой гуще схватки под ним убили коня. Спасти положение мог лишь меч, который волшебник Мерлин чудесным образом извлек из камня. Однако прибегнуть к нему разрешалось

только в безвыходной ситуации. Спасаясь от гибели, Артур впервые в бою обнажает меч Экскалибур: *«Then he drew his sword Excalibur, but it was **so bright** in his enemies' eyes, that it **gave light** like thirty torches»* [Malory, 2003: 43] 'Затем он вытащил свой меч Экскалибур, и он был **настолько ярким** для глаз его врагов, что **светил**, словно тридцать факелов'. Этот фрагмент иллюстрирует не столько физический свет, исходящий от меча, сколько его мистическую и устрашающую природу. Сияние меча, подобное свету тридцати факелов, олицетворяет собой его божественную природу, законность притязаний Артура на престол и грядущую славу. Это больше чем оружие: это символ божественного благоволения и власти монарха. Слепящий и устрашающий врагов свет становится не только физической преградой, но и сокрушительным ударом по их боевому настрою. Они воочию видят доказательство того, что сражаются не с обычным человеком, а с избранным королем. Наконец, Экскалибур дает Артуру возможность переломить ход сражения и обратить врагов в бегство.

Стоит отметить, что под светом может подразумеваться не только сила рыцаря и божье благословение, позволяющие победить воину в сражении. Сам рыцарь зачастую сравнивается со светом, поскольку рыцарь, подобно тому, как свет рассеивает мрак, своими поступками побеждает зло. В средневековых произведениях яркая, заметная доблесть рыцаря на поле боя и при дворе уподобляется сиянию звезды или солнца. Он выделяется среди других, его имя сияет многие века и остается в хрониках, легендах и песнях, освещая путь будущим поколениям даже после его смерти.

Примером такой «неугасающей звезды» и «озаряющего историю света» стал один из величайших полководцев Столетней войны Генрих V: *«Small time, but in that small most greatly lived **This star of England**: Fortune made his sword; By which the world's best garden be achieved, And of it left his son imperial lord»* [Shakespeare, 2008: 82] 'Его был век недолог, но в нём он познал величайшую славу, став **звездой Англии**: фортуна вложила в его руку свой меч, которым был обретён лучший сад мира, который он оставил своему сыну в наследство'. Генрих V был наречен звездой Англии, так как его жизнь и слава – это яркий, но краткий проблеск света, озаривший историю, за который он успел одержать победу при Азенкуре в 1415 году, завоевал Нормандию, заключил договор в Труа в 1420 году, став наследником французского престола, подавил Саутгемптонский заговор в 1415 году.

Следующий пример как раз иллюстрирует подготовку заговора против короля Генриха V. Ричард Конисбург, сэр Томас Грей и Генри ле Скруп были подкуплены французским золотом и планировали убить короля. Генрих V – воплощенная благодать (божественный свет), а заговорщики, олицетворяющие «ад и измену» (*«hell and treason»*

[Shakespeare, 2008: 15]), представляли собой адскую тьму: *«And by their hands **this grace of kings** must die, If hell and treason hold their promises, Ere he take ship for France, and in Southampton»* [Shakespeare, 2008: 15] ‘И от их рук должна погибнуть **сия милость королей**, если ад и измена сдержат свои обещания, прежде чем он сядет на корабль во Францию, а именно в Саутгемптоне’. Здесь Генрих V не называется королем напрямую: он назван даже не по имени, а как *«this grace of kings»* [Shakespeare, 2008: 15], что является высочайшей похвалой, так как слово «grace» означает благодать, добродетель, достоинство, милость, то, в чем есть божественный свет.

В христианской картине мира истинным источником всякого света, славы и благодати является Бог, который часто описывается как «свет истинный» (lux vera). Короли и святые воспринимали свою славу не как личную заслугу, а как отражение этого высшего света, будучи его проводниками на земле. Генрих V – не просто сильный правитель, он «сия милость королей» (*«this grace of kings»* [Shakespeare, 2008: 15]), то есть воплощенный, видимый луч божественной благодати. Убить его означает попытаться погасить этот луч, ввергнуть мир в хаос тьмы.

В феодальном обществе, построенном на личных связях и авторитете, слава была социальным капиталом [Ле Гофф, 2023: 145-165]. Она должна была быть явной, заметной, безупречной, как яркий свет. «Сияющий» рыцарь или король внушал страх врагам. Его слава освещала его род, его землю, его спутников. Любое пятно на репутации, например, трусость, вероломство являлись примерами «помрачения» славы, угасания ее света. Заговорщики против Генриха представляли собой тьму, стремящуюся погасить его свет.

В качестве еще одной яркой метафоры, характерной для средневековой литературы, рассмотрим концептуальную метафору GLORY is a WAY (СЛАВА – ЭТО ПУТЬ).

Пример содержится в предисловии Уильяма Кэкстона к первому изданию «Смерти Артура» (1485 год): *«The gentle and virtuous deeds that some knights used in those days, by which **they came to honour**»* [Malory, 2003: 29] ‘Те благородные и добродетельные поступки, которые некоторые рыцари совершали в те дни и посредством которых они **снискали честь**’. Это прямое указание на то, что честь и, следовательно, слава достигается посредством свершения определенных поступков, благодаря чему рыцарь может прийти (came) к славе, то есть совершить этот славный путь. В предисловии английский издатель-первопечатник четко излагает цель издания этого романа-эпопеи: чтобы узнать о подвигах рыцарей и научиться благородным законам рыцарства, узнать о добрых и добродетельных поступках (*«gentle and virtuous deeds»* [Malory, 2003: 29]),

которые совершали рыцари в прошлом, понять, что именно эти поступки привели их к чести и славе (*«by which they came to honour»* [Malory, 2003: 29]). Данная фраза, заключенная в предисловии, является центральной в этой концепции: она прямо связывает добродетельные поступки с обретением высшей ценности в рыцарском кодексе – чести. Это был прямой путь к славе.

Еще один пример из предисловия, иллюстрирующий метафору GLORY is a WAY (СЛАВА – ЭТО ПУТЬ), представляет описание пути, а точнее правил движения по этому пути. Выбор в пользу добра и отказ от зла – это те самые шаги, которые человек делает, двигаясь вперед, что приводит его к славе: *«Do after the good and leave the evil, and* ***it shall bring you to good fame and renown****»* [Malory, 2003: 29] ‘Поступай правильно и отстраняйся от зла, и это принесёт тебе **добрую славу** и **известность**’. Цель пути – слава и признание. Глагол bring указывает на процесс движения в пространстве от точки А (где ты находишься сейчас) к точке Б (слава и признание).

В «Смерти короля Артура» автор также часто обращается к теме поиска и странствий, которая также передает метафорический путь к славе: *«I may not tarry, said Sir Tor, for* ***I am in a quest*** *that I must needs follow»* [Malory, 2003: 98] ‘Я не могу медлить, – сказал сэр Тор, – ибо я **на пути осуществления** своего подвига’. Еще одно упоминание странствия заключено в следующем предложении: *«For* ***I have followed this quest*** *this twelvemonth, and either I shall achieve him, or bleed of the best blood of my body»* [Malory, 2003: 59] ‘Ибо я **преследую эту цель** целый год, и либо я достигну её, либо истеку своей благороднейшей кровью’. Под существительным «quest» здесь подразумевается погоня за Зверем Рыкающим (Questing Beast), мифическим существом, которое может быть поймано или убито только избранным рыцарем. Это не просто охота, это судьбоносная миссия, определяющая рыцарскую идентичность. Само слово «quest» в рыцарском контексте подразумевает долгое странствие, полное испытаний, то есть метафорическую дорогу к цели (славе). Указание на время «this twelvemonth» усиливает метафору пути: слава не дается мгновенно, это долгий и трудный маршрут, требующий временных затрат. Кроме того, в анализируемом примере есть указание на конечную точку пути: *«I shall achieve him»* [Malory, 2003: 59]. В метафоре GLORY IS a WAY (СЛАВА – ЭТО ПУТЬ) «достижение» – это прибытие к цели, которой является сражение со Зверем Рыкающим. Фраза принадлежит рыцарю, которым оказывается король Пелинор. Он ставит свою жизнь на кон, заявляя, что либо выполнит свою миссию, обретя тем самым величайшую славу охотника, либо умрет, пытаясь ее выполнить. Для него нет третьего варианта – отступить или сдаться, что подтверждает конструкция с сочинительным союзом,

предполагающая только одну из двух альтернатив: *«achieve him, or bleed»* [Malory, 2003: 59]. Тот факт, что Пелинор готов истечь кровью, раскрывает еще одну важную специфику этой метафоры: путь к славе опасен и требует жертв. Кровь здесь – плата за прохождение этого пути до конца, даже если финалом станет смерть.

В поэзии, например, кровь становится символом страдания и жертвенности, а также воплощением глубоко человеческих, земных чувств. Ценностное осмысление концепта крови акцентирует двойственность его природы: с одной стороны, выражение безусловного осуждения кровопролития как социального и нравственного зла, с другой – признание его трагически неизбежной составляющей в контексте военного противостояния [Карасик, 2023: 193].

Как было отмечено ранее, слава не даётся просто так. Её нужно завоевать тяжёлым трудом, подвигом с риском для жизни. Подобным образом искатели сокровищ проходят через опасности, чтобы найти клад. Как золото или драгоценные камни, слава считалась самым ценным, что человек может приобрести. Материальные богатства можно потратить или потерять, а слава – бессмертное сокровище, которое остается ценным даже после смерти рыцаря. Рассмотрим репрезентацию метафоры GLORY is a TREASURE (СЛАВА – ЭТО СОКРОВИЩЕ) в произведении «Смерть Артура».

Балин, бедный и только что освобожденный из тюрьмы рыцарь, несмотря на свои бедные одежды, просит разрешения попробовать вытащить меч. Дева с пренебрежением отказывает ему, но он настаивает, говоря, что честь и доблесть скрыты внутри человека, а не в его одеждах. К всеобщему изумлению, Балин с легкостью извлекает меч. Дева объявляет его лучшим и достойнейшим рыцарем и требует меч обратно, но Балин отказывается, желая оставить его себе. После этого Балин собирается немедленно покинуть двор, чтобы начать свои странствия. Король Артур, впечатленный его доблестью, и чувствуя, что был несправедлив к нему ранее из-за его нахождения в тюрьме, пытается его удержать, предлагая ему социальный лифт в виде почестей, статуса и богатства: *«I shall so **advance you** as ye shall be pleased»* [Malory, 2003: 71] ‘Я так **возвышу** тебя, что ты останешься доволен’. Возвышение, включающее в себя славу и положение, здесь представлено как нечто, что можно дать, словно ценность или сокровище. Примечательно, что рыцарь Балин отказывается от этого предложения: *«God thank your highness, said Balin, your **bounty** and highness may no man praise half to the value; but at this time I must needs depart, beseeching you alway of your good grace»* [Malory, 2003: 71] ‘Да вознаградит вас Бог, Ваше Высочество, – сказал Балин. – Ваша **щедрость** и

величие выше любых похвал. Но сейчас мне необходимо отправиться в путь, и я прошу у вас на это позволения'. Он предпочитает странствия и независимую славу, добытую в бою, гарантированному, но зависимому положению при дворе. Это показывает, что для истинного рыцаря слава, добытая личным подвигом, является большим сокровищем, чем слава, дарованная королем. Данная метафора коррелирует с ранее проанализированной метафорой GLORY is a WAY (СЛАВА – ЭТО ПУТЬ) и вновь свидетельствует о том, что слава – не конечная точка, а само движение.

В данном отрывке метафора GLORY is a TREASURE (СЛАВА – ЭТО СОКРОВИЩЕ) проявляется не столько в словах Балина, сколько в действиях и предложениях короля Артура. Акт дарения славы представлен как материальная транзакция, обмен сокровищами. Артур пытается «купить» лояльность и присутствие прославившегося рыцаря, заплатив ему сокровищем своего покровительства и статуса. В своем ответе Балин проявляет высшую куртуазность, но твердо отказывается от предложенного «сокровища». Этим он утверждает принцип того, что истинная слава – это не сокровище, которое можно получить в подарок; это сокровище, которое можно только добыть самому. Принятие дара Артура превратило бы его славу в купленную, а не заслуженную, лишило бы ее высшей рыцарской ценности.

В рыцарском мире слава функционировала как основная социальная валюта, которую можно было потратить для получения статуса или земли, потерять из-за поражения или бесчестного поступка, что равносильно разорению, а также похвастаться ею как доказательством своего богатства и значимости. Этот символический капитал, это «сокровище» напрямую конвертировалось в капитал материальный и социальный. Это может быть проиллюстрировано словами рыцаря сэра Мархауса из Ирландии, который являлся братом ирландской королевы и был одним из самых знаменитых рыцарей Круглого Стола. Сэр Мархаус соглашается отправиться в Корнуолл, чтобы силой добыть дань и сразиться за неё с лучшим корнуолльским рыцарем не столько из долга перед королем Ангушем, сколько для своей личной выгоды: *«For to advance my deeds and to* ***increase my worship*** *I will right gladly go unto this journey for our right»* [Malory, 2003: 239] 'Дабы преумножить мои деяния и **увеличить мою славу**, я с великой радостью отправлюсь в этот поход за наше право'. Сэр Мархаус говорит о славе как о количественном активе, который можно приумножить, как богатство (*«to increase my worship»*). Он прямо говорит о цели приумножить свой символический капитал, улучшить свою репутацию. Победа над корнуолльским королем сделает его ещё более знаменитым и уважаемым. Опасное путешествие и возможная смерть в поединке – это не

бескорыстный подвиг, а стратегическое вложение в собственный социальный статус. Слава здесь является валютой, которую Мархаус планирует заработать.

Связь славы и богатства можно проиллюстрировать также эпизодом, произошедшим после битвы, первый день сражения в которой был невероятно кровопролитным. Когда из 60 тысяч воинов противника остается в живых лишь 15 тысяч, волшебник Мерлин говорит Артуру, что пора прекратить бойню, так как Бог гневается на него за его неугомонность. Он приказывает отступить и отдохнуть, объясняя это тем, что слава уже завоевана, и теперь ее нужно должным образом признать и вознаградить: *«And **reward** your good knights **with gold and with silver**, for they have well **deserved** it; there may **no riches be too dear** for them»* [Malory, 2003: 55] ‘И **награди** своих добрых рыцарей **золотом и серебром**, ибо они это **заслужили**; для них не может быть **богатства слишком дорогого**’. В этой цитате слава и доблесть рыцарей неразрывно связаны с материальным богатством (*«gold and silver»*, *«riches»*), которым их надлежит вознаградить. Золото здесь не является взяткой или просто платой, это зримый символ королевской признательности и оценки заслуг рыцарей. Мерлин также утверждает, что материальные блага выступают здесь в качестве инвестиции в будущую верность и мотивацию.

В пьесе Шекспира «Генрих V» нематериальные ценности (честь, слава, доброе имя) ставятся выше любых материальных благ. Во II акте хор описывает ожидания английской молодежи, которая готова променять материальные блага на нематериальную честь: «*And **honor’s thought** reigns solely in the breast of every man: They **sell the pasture** now **to buy the horse**»* [Shakespeare, 2008: 14] ‘И мысль о **чести** единолично царит в груди каждого мужчины: они **продают пастбища, чтобы купить коня**’. Речь идет о том, что молодые люди готовы произвести обмен реального, материального богатства (пастбища) на средство достижения славы и чести (боевого коня). Пастбище – символ мирного, размеренного богатства, источника дохода и стабильности. Конь символизирует войну, рыцарство и средство для достижения славы. Слава здесь – более ценное приобретение.

Таким образом, если в средневековом мировоззрении слава была осязаемым «социальным капиталом», который рыцари добывали с помощью личной доблести в рамках рыцарского кодекса, и который был воплощен в метафорах GLORY is LIGHT (СЛАВА – ЭТО СВЕТ), GLORY is a WAY (СЛАВА – ЭТО ПУТЬ), GLORY is a TREASURE (СЛАВА – ЭТО СОКРОВИЩЕ), то к XVII веку этот концепт претерпевает фундаментальную трансформацию. Эпоха Реформации, религиозных войн и становления национальных государств приводит к его расколу: с одной стороны, возникает

протестантская концепция божественной славы (divine glory) как смиренного служения Богу, а с другой – идея национального триумфа, подчиняющая индивидуальные заслуги интересам государства. Индивидуальная военная слава, воспеваемая Мэлори и Шекспиром, теперь ставится под сомнение и подвергается морально-религиозной критике, что ярче всего проявляется в творчестве Мильтона.

«Потерянный рай» («Paradise Lost») – эпическая поэма Джона Мильтона, опубликованная в 1667 году. Это – одно из величайших произведений мировой литературы, сложный, монументальный и глубоко философский текст. Поэма пересказывает библейскую историю грехопадения Адама и Евы, однако сюжет начинается не в Раю, а в Аду, с пробуждения побеждённого Сатаны и его решения отомстить Богу, соблазнив его новое творение – Человека.

В своей поэме Мильтон обращает внимание на трансформацию понятия «слава». Трансформация заключается в том, что мирская слава отныне признается ложным светом (метафора GLORY is a DECEPTIVE LIGHT (СЛАВА – ЭТО ЛОЖНЫЙ СВЕТ)), который затмевает истинную, божественную славу.

В качестве примера рассмотрим сцену, когда Сатана и легионы падших ангелов только что были низвергнуты Богом с небес после неудачной войны. Они лежат в огненном озере ада, разбитые и униженные. Сатана первым приходит в себя и пытается осмыслить поражение: *«What though the field be lost? / All is not lost; the unconquerable Will, / And study of* ***revenge****,* ***immortal hate****, /* ***And courage never to submit or yield****»* [Milton, 1667: 3] ‘Что с того, что поле битвы проиграно? / Не всё потеряно: несломленная Воля, / И мысль о **мести**, **ненависти бесконечной**, / **И мужество – не преклониться, не сдаваться**’. Здесь можно наблюдать, как слава оборачивается непримиримой гордостью и стремлением к мести: восстание Сатаны против Бога – это не поединок равных, а акт безумия, высокомерия и неповиновения. Такое ложное сияние ведёт лишь к дальнейшему падению. Отказываясь от покаяния и смирения, Сатана обращает свое поражение в новую цель – вечную борьбу против Всевышнего. Божественной славе противопоставлена разрушительная и лживая «слава» Сатаны, которая привела его лишь к гибели.

Несмотря на то, что Сатана сеет смуту, прославление Бога является единодушным. Ликующие небожители признают правоту и мудрость Бога. Хор ангелов здесь иллюстрирует подлинно божественное величие славы, которая принадлежит исключительно Творцу. Это величие противопоставлено призрачной, тщеславной и ведущей к самоуничтожению славе.

Помимо этого, в словах Сатаны и его армии звучат мотивы воинской доблести, однако она представлена как иллюзорная и разрушительная. Потерянное прежнее величие Сатана замещает жаждой возмездия, бессмертной враждой и непреклонной волей (*«revenge, immortal hate, and courage never to submit or yield»*). Это не воинская доблесть, а пороки падшего и разъяренного духа.

Едва оправившись от потрясения, вызванного падением с Небес в Преисподнюю, Сатана обращается к своим поверженным ангелам: *«His form had yet not lost / All her **Original brightness**, nor appear'd / Less then Arch Angel ruind, and th' **excess** / **Of Glory obscur'd**»* [Milton, 1667: 14] '**Величие его не потускнело**, / Он был подобен павшему архангелу, / **Лишь славы прежний блеск был омрачён**'.

В своем произведении Мильтон создает сложный, двойственный образ, раскрывающий амбивалентность падшего ангела: он все еще несет в себе черты своей изначальной, божественной красоты и величия (*«original brightness»*), но его слава померкла (*«obscur'd»*). Свет, который когда-то был чистым отражением божьей славы, теперь стал мрачным, устрашающим и лживым. «Избыток славы» (*«excess of Glory»*) здесь следует понимать как гордыню, что повлекла за собой его низвержение и теперь затемняет подлинную природу его величия.

Метафорическое отождествление славы с обманчивым светом (GLORY is a DECEPTIVE LIGHT (СЛАВА – ЭТО ОБМАНЧИВЫЙ СВЕТ)) противопоставляет лживое сияние мирской, сатанинской славы истинному божественному свету, который исходит лишь от Бога и приводит к спасению. Бог решает создать новый мир и человечество, чтобы заменить падших ангелов и наполнить пустоту. После того, как Бог изъявляет свою волю о создании мира, небесные ангелы начинают Его прославлять: *«**Glorie** they sung **to the most High**»* [Milton, 1667: 134] '**Славу** они воспели **Всевышнему**'. Это кульминация их ликования по поводу превращения зла, то есть падение ангелов, в большее благо, то есть в создание человечества.

С небесной перспективы воинская слава мятежников выглядит ничтожной. Бог говорит о восстании как о бессмысленном акте, который лишь укрепил порядок на Небесах и позволил проявиться милосердию. «Слава» падших ангелов превратилась в их же вечное проклятие. Бог говорит о том, что ангелы были созданы свободными. Их восстание не было предопределено, это был их собственный выбор. Поэтому их последующее наказание справедливо и закономерно. Сама идея их «воинской славы» в мятеже бессмысленна, потому что они восстали против источника всей своей силы и

существования: *«The first sort by thir own suggestion fell, / Self-tempted, self-deprav'd / Through Heav'n and Earth, so shall my **glorie** excel, / But Mercy first and last shall **brightest shine**»* [Milton, 1667: 48] 'Первый же согрешил по собственной воле, / Сам себя искусил, сам себя извратил; / Моя **слава** превыше будет на Небе и на Земле, / Но Милосердие прежде и вовеки будет **сиять ярче всех**'. Таким образом, милосердие объявляется верховным и самым лучезарным проявлением божественной природы. Через речь Бога Мильтон сводит всю «эпическую славу» сатанинского воинства к жалкому и саморазрушительному акту гордыни, который в божественном плане занимает лишь место вечно отрицательного примера.

Обобщив сказанное выше, можно сделать вывод о том, что концепт GLORY (СЛАВА) претерпел существенную эволюцию в британской культуре с XV по XVII век. В средневековый период (творчество Томаса Мэлори) слава понималась как социальный капитал, достигаемый через рыцарскую доблесть, и репрезентировалась метафорами GLORY is LIGHT (СЛАВА – ЭТО СВЕТ), GLORY is a WAY (СЛАВА – ЭТО ПУТЬ), GLORY is a TREASURE (СЛАВА – ЭТО СОКРОВИЩЕ). К эпохе Шекспира на первый план вышла её нематериальная ценность – честь и доброе имя. В XVII веке (творчество Джона Мильтона) под влиянием Реформации мирская слава была переосмыслена как ложный свет гордыни, ей противопоставлена истинная божественная слава, основанная на смирении и служении. Смена или трансформация доминирующей в ту или иную эпоху метафоры маркирует не просто смену образности, но и смещение акцентов, отражая глубинные трансформации общественного сознания и системы ценностей [Rubert, Nilsen, Timralieva, 2021]. Таким образом, эволюция концепта отражает переход от внешнего, социального идеала к внутренней, этической и духовной составляющей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. Москва: Гнозис, 2004. 236 с.

2. Воркачев С. Г., Карасик В. И. и др. Лингвокультурная концептология. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. 288 с.

3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Москва: Искусство, 1984. 350 с.

4. Карасик В. И. Символизация крови в языковом сознании // Язык-текст-дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т. Б. Радбиля). Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2023. С. 193-201.

5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

6. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: пер. с франц. / под ред. А. А. Юсима, И. В. Юсима. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2023. 390 с.

7. Нильсен Е. А. Метафоры времени в английском травелоге // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2023. № 3-2 (54). С. 738-742.

8. Нильсен Е. А. Репрезентация темпоральности в произведениях Э. Спенсера // Современная германистика и западноевропейская литература / под. ред А. В. Иванова. Москва: ФЛИНТА, 2020. Т. 2. С. 256-269.

9. Петухова Т. И., Хомякова Е. Г. Художественный концепт nature в аспекте лингвосенсорики: актуализация эмотивного смысла // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2023. № 4. С. 78-88. DOI: https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-4-78-88.

10. Пименова М. В., Бодриков А. Б. Когнитивная модель «театр военных действий» периода XIX в. «The theater of war» cognitive model» // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия филологическая. Кокшетау, 2022. № 2. С. 24-34. DOI: https://doi.org/10.59102/kufil/2022/iss2pp24-34.

11. Rubert I. B., Nilsen E. A., Timralieva Yu. G. Representation of SIBERIA Linguocultural Concept in the English Fiction of the 18th – early 20th Centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. Krasnoyarsk, 2021. Vol. 14. No 10. P. 1455-1467. DOI: 10.17516/1997-1370-0830.

12. Tolhurst F., Whetter K. S. Three Misreading and Rereading Arthur: Celebrating Arthur as Hero and Conqueror-King in the Alliterative Morte Arthure and Malory's Morte Darthur // Arthurian Intertextualities: Misreading and Rereading Malory's Morte Darthur and the Alliterative and Stanzaic Mortes. Ann Arbor: University of Michigan Press. 2025. P. 113-123. DOI: https://doi.org/10.3998/mpub.12306435.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА

1. Malory T. Le Morte d'Arthur. London: Cassell Illustrated, 2003. 770 p. Доступ: https://eclass.uoa.gr/modules/document/file.php/ENL599/Mallory--Le%20Morte%20d%27 Arthur.pdf. (Дата обращения: 20.12.2025).

2. Milton J. Paradise Lost. London: Printed by Samuel Simmons, 1667. 249 p.

3. Shakespeare W. Henry V: The Oxford Shakespeare (Oxford World's Classics). London: Oxford University Press, 2008. 352 p.

REFERENCES

1. Vorkachev, S. G. (2004). *Schaste kak lingvokulturnyy kontsept* [Happiness as a Linguocultural Concept]. Moscow: Gnozis. (In Russ.).

2. Vorkachev, S. G., Karasik, V. I. i dr. (2025). *Lingvokulturnaya kontseptologiya* [Linguocultural Conceptology]. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet. (In Russ.).

3. Gurevich, A. Ya. (1984). *Kategorii srednevekovoy kultury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).

4. Karasik, V. I. (2023). Simvolizatsiya krovi v yazykovom soznanii [Blood Symbolization in Linguistic Consciousness]. In *Yazyk-tekst-diskurs v novykh usloviyakh kommunikatsii (k 60-letiyu professora T. B. Radbilya).* Nizhnii Novgorod: NNGU im. N. I. Lobachevskogo. Pp. 193-201 (In Russ.).

5. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. In. A. N. Baranov (ed.) Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).

6. Le Goff, Zh. (2023). *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [Medieval West Civilization]. In A. A. Yusima, I. V. Yusima (ed.). Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ: Universitetskaya kniga. (In Russ.).

7. Nilsen, E. A. (2023) Metafory vremeni v angliyskom traveloge [Metaphors of Time in the English Travelogue]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka.* Tambov. No 3-2 (54). Pp. 738-742. (In Russ.).

8. Nilsen, E. A. (2020). Reprezentatsiya temporalnosti v proizvedeniyakh E. Spensera [Temporality Representation in the Works by E. Spenser]. In A. V. Ivanov (ed.) *Sovremennaya germanistika i zapadnoevropeiskaya literatura.* Moscow: FLINTA. Vol. 2. Pp. 256-269. (In Russ.).

9. Petukhova, T. I., Khomyakova, E. G. (2023) Khudozhestvennyy kontsept nature v aspekte lingvosensoriki: aktualizatsiya emotivnogo smysla [Artistic concept "nature" in the aspect of linguosensorics: emotive meaning actualization]. In *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. Tambov. No 4. Pp. 78-88. DOI: https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-4-78-88. (In Russ.).

10. Pimenova, M. V., Bodrikov, A. B. (2022). Kognitivnaya model «teatr voennykh deistviy» perioda XIX v. [«Theatre of war» cognitive model in XIX]. In *Vestnik Kokshetauskogo universiteta im. Sh. Ualikhanova. Seriya filologicheskaya*. Kokshetau. No 2. Pp. 24-34. (In Russ.).

11. Rubert, I. B., Nilsen, E. A., Timralieva, Yu. G. (2021). Representation of SIBERIA Linguocultural Conceptin the English Fiction of the 18th – early 20th Centuries. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. Krasnoyarsk. Vol. 14. No 10. Pp. 1455-1467.

12. Tolhurst, F., Whetter, K. S. (2025) Three Misreading and Rereading Arthur: Celebrating Arthur as Hero and Conqueror-King in the Alliterative Morte Arthure and Malory's Morte Darthur. In *Arthurian Intertextualities: Misreading and Rereading Malory's Morte Darthur and the Alliterative and Stanzaic Mortes*. Ann Arbor: University of Michigan Press. Pp. 113-123. DOI: https://doi.org/10.3998/mpub.12306435.

SOURCES OF MATERIAL

1. Malory, T. (2003). *Le Morte d'Arthur*. London: Cassell Illustrated.
2. Milton, J. (1667). *Paradise Lost*. London: Printed by Samuel Simmons.
3. Shakespeare, W. (2008). *Henry V: The Oxford Shakespeare (Oxford World's Classics).* London: Oxford University Press.

Нильсен Евгения Александровна *– доктор филологических наук, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации, заведующий кафедрой английской филологии и перевода, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (наб. канала Грибоедова, 30-32, литер А, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191023)*
E-mail: janenilsen@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4424-0706
SPIN-код: 1244-6886
Личный вклад автора:
– Концепция и дизайн работы
– Критическая доработка статьи
– Окончательное утверждение версии для публикации.

Nilsen Evgeniia A. *– Doctor of Philology, Professor of Linguistics, Honoured Education Worker of the Russian Federation, Head of English Philology and Translation Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saint Petersburg State University of Economics» (30-32 A, Griboedov Canal Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 191023)*

E-mail: janenilsen@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4424-0706
SPIN-код: 1244-6886
Personal contribution to the joint manuscript:
– Conception and design of the paper
– Critical revision of the article
– Final approval of the version to be published.

Грошкова Илона Александровна *– старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (наб. канала Грибоедова, 30-32, литер А, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191023)*
E-mail: groshkova.ilona@inbox.ru
ORCID: 0009-0005-2388-6785
SPIN-код: 2461-6008
Личный вклад автора:
– Концепция и дизайн работы
– Сбор данных
– Анализ и интерпретация данных
– Составление текста.

Groshkova Ilona A. *– Senior Teacher of English Philology and Translation Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saint Petersburg State University of Economics»*
(30-32 A, Griboedov Canal Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 191023)

E-mail: groshkova.ilona@inbox.ru
ORCID: 0009-0005-2388-6785
SPIN-код: 2461-6008
Personal contribution to the joint manuscript:
– Conception and design of the paper
– Data collection
– Data analysis and interpretation
– Drafting the article.

Поступила в редакцию 08 января 2026 г.